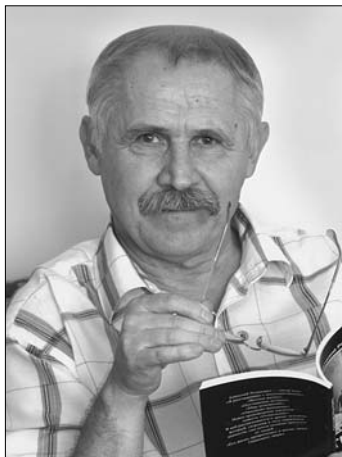

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

ДЕРЕВЬЯ МОЕЙ ЮНОСТИ

ЗАРИСОВКИ

ЛИПА

Наш костёл из красного кирпича построили в тридцатые годы прошлого века, ещё “за польским часом”. Улица наша называлась Закощёльной, потому что начиналась сразу за костёлом. И как только ксёндз со служками и старостой начал высаживать возле ограды липы, любопытные дети с нашей улицы сразу прибежали помогать. Была среди них и моя двенадцатилетняя мать. Когда мне было двенадцать, бабушка посылала уже меня к “костельным липам” нарвать цвета, “коб було чым чай заварваць ды ратаваць гэтым напоем ад хворобы деда”. Костёл к тому времени уже ликвидировали — отдали здание под Дом культуры. Четыре липы стали ничейными — рвали цвет все, кто хотел. Деревья терпели. Они выросли, ветви стали густыми, “урожай” давали большой, всем хватало, а запах плыл по всей округе. Кто был повыше ростом — обрывал всё снизу, а нам, младшим, приходилось бросать в самую гущу ветвей палки, чтобы сбивать цвет. Мы, дети, не понимали, что дереву тоже может быть больно.

Повзрослели мы и разбежались из Городка в поисках своей доли кто куда. В круговерти будничных дел я забыл о липах. Однако не всё нам подвластно. Через тридцать лет после того, как я покинул малую родину, получил в столице письмо от учителя-историка, имевшего несомненные литературные

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

способности. В письме были три стихотворных столбика и припев — текст поздравления по случаю моего юбилея казался ему песней. Этот незамысловатый припев тронул моё сердце. Помню строчку “Шепчут липы твои: “Приезжай, приезжай!””.

Липы моего детства... Как я мог забыть липовый чай, который спасал нас с дедом зимней порой, бодрил!

Выбрались мы с семьёй на мою родину. Был месяц июль. Не отдохнув после долгой дороги, — всё-таки триста километров! — я быстро сел на велосипед и — туда, на родную улицу, к родным липам. Из четырёх осталось только две. То ли они стали меньше, то ли я подрос и мог теперь легко дотянуться до ветвей? Кое-где на веточках ещё можно было увидеть жёлтенькие, как крылья стрекозы, цветочки: мелкие, словно искусственные, они источали слабый аромат. Одна липа доживала свой век.

Подошёл ко мне директор Дома культуры, тепло поздоровался. Сказал, что в это дерево когда-то ударила молния. Сжечь не сожгла, но липа всё-таки заболела. Кора лопнула сверху донизу, удар огненной “гости” глубоко поразил ствол — трещина пробежала от верхушки до корней, потом какие-то оболтусы развели в этом “дупле” огонь, жгли сучья, пока их не прогна-ли. Так она и стоит с почерневшим “чревом”.

Я дотронулся до липы. Показалось, что дерево очень тёплое. А может, это моя рука от волнения стала тёплой? Подумалось, что не сто́ит ежечасно так сокрушаться: “Ах, Боже милостивый, как быстро и неотвратимо надвигается старость!” Всё вокруг тоже стареет. И липа детства — не исключение.

Директор Дома культуры прервал затянувшееся молчание:

— Хотели спилить городские службы. Я не позволил. Говорю, она ж, бедняга, ещё одной веткой цветёт. Живёт, слава Богу.

Я через силу похвалил его — перехватило дыхание, говорить не хотелось. Я стоял под старой липой, которую когда-то посадила моя мать.

ВЕТЛА

В нашем местечке, как, кстати, и в большинстве белорусских посёлков, небольшие кварталы имеют свои названия. Если человека спрашивают: “Где ты живёшь?” — он, как и его предки, отвечает, что не на улице Калинина, а “в Мельниках” или не на улице Пионерской, а “на Болоте”. На нашей Оселице после паводка всегда оставались две ямы, которые не высыхали даже жарким летом: яма возле хаты Киселя и яма около кузницы Герасима. Вокруг кузницы росли высоченные и могучие вётлы — двое мужчин вряд ли обхватили бы руками их шершавые стволы. Рядом, свесив свои “косы” прямо к покрытой светло-зелёной ряской воде, стояла ива, из её веточек мы весной делали свистульки.

В кузнице, конечно же, жарко, а вётлы отбрасывали слабенькую тень. Вот здесь мы и начинали постигать незамысловатую науку игры в карты.

Кроме Оселицы, таких могучих деревьев больше нигде не было. Буря налетает на наш городок редко, но вред приносит большой. Однажды июльский ураган повалил одну ветлу. Так она и осталась лежать. Никто — ни кузнец Герасим, ни его сосед, многолетний Степан Биржа — не рискнул распилить её на дрова.

— Как эту пивную бочку распилить? На кой черт столько сил гробить, — ворчали они. — С Припяти привезём лозы, будет чем зимой печь топить.

Долго то дерево лежало. Умер кузнец Герасим, умер и его сосед Степан. К запертой навсегда кузнице не было желания ходить и тем более сидеть на поваленном дереве. Какие-то незнакомые люди взяли себе участок земли, захотели строить на этом месте дом, забрали землю вместе с ямой, кузницей и вётлами. Привезли, чтобы засыпать яму, около ста самосвалов земли. Спилили вётлы и красавицу-иву. Стоит на месте кузницы посреди Оселицы

хороший дом, а над двумя окнами — две телевизионные тарелки-антенны. Старые вѣтлы, будившие детскую фантазию, манившие в чудесный мир красоты, остались только на картине, которую нарисовал мой друг-художник.

ЯСЕНЬ

Мы, подростки, долго не знали, что дерево, которое растёт около Казанской церкви (правильнее будет сказать Церковь Казанской Божией Матери) в центре местечка, называется ясенем. Во времена атеизма ученикам не рекомендовали посещать храм и верить в Бога. Родители нарушали назойливые рекомендации учителей и брали с собой детей, водили к причастию, учили молиться.

Я рос сиротой. Меня никто не брал с собой в церковь на большие праздники: Пасху, Рождество, Троицу, на престольный праздник иконы Божией Матери Казанской. Мы сами шли к церкви и сидели на лавке возле ясеня, о котором нам иногда рассказывал церковный староста, свояк моей бабушки. Говорил, что при строительстве церкви священник Юхневич и посадил дерево. Этот самый ясень. Двоюродная сестра моей мамы тѣтя Соня после войны оказалась в Польше, там вышла замуж и жила неподалёку от Ченстоховы. Деток ей Бог не дал. Писала нам письма. Даже после смерти моей мамы мы изредка получали от неё весточки в иноземных конвертах с разноцветными марками. И она обязательно спрашивала: “Как там соседи, как Казанская церковь, не закрыта ли? Жив ли ясень?”

— И что ей все неймётся? На что ей сдался этот ясень? Дерево как дерево, — недоумевала моя бабушка Настя.

Так сложились обстоятельства, что Соня вынуждена была оставить Польшу и вернуться в Городок, чтобы ухаживать за старой, почти ослепшей матерью. Тогда мы и встретились. Я привёз маленькую дочку, чтобы впервые показать ей местечко. Энергичная, подвижная, интеллигентная тѣтя Соня повсюду сопровождала нас: ходили к родичам, на речку, в чайную, в клуб, в библиотеку и, конечно, к церкви.

— Растёт, слава Богу, растёт! — радовалась тѣтя Соня на церковном дворе. — Это же мой ясень...

— Как? — удивился я.

— Мама моя, когда я родилась, а было это в 1920 году, вместе со священником, вечная им память, посадила этот самый ясень в мою честь. Так что, Жорочка, это наш ясень. Вот и считай: сколько мне лет, столько и ясеню.

Я сфотографировал тѣтю Соню на лавке под ясенем — она улыбается. Вот так я и узнал, что в жизни каждого человека — за редким исключением — случаются события, связанные именно с деревьями.

Теперь, когда приезжаю на родину, припоминаю, стоя в церкви, это сколько же лет могло бы быть тѣте Соне? Ага... восемьдесят шесть... И ясеню восемьдесят шесть. Так они, ровесники, на моём снимке и остались рядом: тѣтя Соня и церковный ясень.

СИРЕНЬ

Мой недоброжелатель и завистник, а их у меня хватает, прочитав название, ехидно заметит: “Это не белорусское слово, по-белорусски надо писать “бэз”. Это во-первых. А во-вторых, бэз не дерево, а куст”.

Не будем спорить. Никто у нас в местечке не говорил “бэз”, а только “сирень”. Может, это и куст... Цветок от изменения названия аромата своего не утратит.

Давно это было, лет пятьсот, считай, прошло, когда молодой жемайт Гаштольд во главе войска Великого Княжества Литовского гнал ворогов-татар до самого Давыд-Городка. Простые татарские ратники устали воевать и дали

зарок: если им сохраняют жизнь, никогда больше не поднимут они оружие против славян. С того времени и пошли на городокской земле смешанные браки. Татары привыкли к традициям полешуков, но ещё придерживались и своих обычаев. Были у них даже и особые, свои, татарские погосты, кладбища.

Вот через четыре с лишним столетия после тех событий пошли мы с одноклассниками на это татарское кладбище рвать сирень — на удивление красивой и душистой она была. А ещё очень хотелось нарвать той сирени и подарить девочке, в которую я был тайно влюблён. Все хлопцы гуляли с девушками, а я всё никак не мог подступиться к капризной, высокомерной однокласснице.

Бродить среди памятников и крестов было совсем не страшно. Правда, после смерти мамы я побаивался кладбища, и даже когда проходил мимо городского погоста, что напротив школы, отворачивался, чтобы не смотреть на могилы. Однако же любовь преодолевает все преграды. Чтобы дотянуться до высоких веток, приходилось вставать на могильные плиты, на которых ещё была видна арабская вязь. Вскоре, довольные собой, мы несли в руках большущие охапки.

Моя ненаглядная всё не выходила из хаты. Я битый час болтался на улице, но так её и не дождался. Принёс сирень домой. Бабушка спросила, где нарвал. Говорю, на татарском кладбище. Начала ворчать, выговаривать, но не злобно, а, как она умела, мягко-настойчиво:

— Вот балда, кто же с кладбища сирень в хату приносит, а? Что вы, нелюди, что ли? Грех. Вот придут ночью покойники, да и потребуют вернуть украденное.

Я внимательно слушал, не огрызался, но струхнул. И что вы думаете? Приснился мне сон: как будто один покойник подошёл к нашим окнам и потребовал, настойчиво стуча в стекло: “Отдай сирень, негодник!”

Утром я заволновался:

— Что делать с букетом?

— Отнеси в церковь и положи к какой-нибудь иконе, — посоветовала бабуля.

Так я и сделал. Эта украденная у мёртвых сирень не принесла мне счастья.

А ещё сирень росла на старом кладбище у Георгиевской церкви за речкой Сежкой — притоком Горыни. Однако же я, памятуя бабунины слова и сон, никогда больше не рвал сирень, чтобы не сделаться, как говорила бабушка, “нелюдем”.

ТОПОЛЬ

Высотой и толщиной ствола они не уступали вербам с Оселицы. Несколько тополей росло в парке напротив Казанской церкви и кинотеатра “Заря”. Они считались школьными, поскольку баскетбольная площадка старой школы упиралась в этот небольшой сквер-парк. Почему-то вспоминаются и другие тополя — старые люди называли их “осокорями”. Они росли на самой окраине городка по дороге к урочищу Хабищи, неподалёку от двухэтажного кирпичного дома для сотрудников межрайонной тракторной станции — МТС. И как будто охраняли покой, стояли на часах — видны были издали.

Со временем наш район ликвидировали и многих перевели в Столин. Как-то незаметно исчезла и МТС. Осиротел и белый дом возле тополей. Говорили, в пустые квартиры заселялись цыгане, которым нравилось наше местечко. Поэтому, видно, меня бабушка Настя строго предупредила, — она с опаской относилась к цыганам, — чтобы я, Господи спаси и сохрани, не ездил к этому дому, не верил их ворожбе.

У цыган такая натура: на одном месте долго не задерживаются. Отдали власти эти квартиры людям. Тополя живут сравнительно мало. На их месте ничего не посадили, деревья отстояли “вахту”, отслужили своё. Потом проложили кольцевую дорогу, и транспорт, минуя Городок, летит сразу к мосту и дальше на Столин.

Где теперь растёт самое высокое дерево, даже и не знаю. И когда грузины поют уже старую известную песню “Тополя, тополя”, всегда перед глазами всплывают и мои “осокори” на окраине городка.

ШЕЛКОВИЦА

Шелковица росла на знаменитом Ольшанском шляхе, у которого несколько раз менялось название: то был улицей Пилсудского, то Советской. Может, наконец, вернуться к Ольшанскому шляху.

От здания новой школы до шелковицы было метров сто. Сразу за ней — поле. С вершины дерева видна была деревня Высокое. В нашем городке на базаре продают малину, крыжовник, смородину, но никто никогда не продавал ягоды шелковицы.

— Покалишься весь, — говорят, — и руки чёрные, не отмыть, и язык весь чёрный. Дерево ничьё, бесхозное. Езжай, кто хочешь, и рви, ешь от пуза.

Поехали и мы с приятелем Ванькой. Говорили нам те, кто пробовал, что очень уж вкусная ягода. “Шчо було знизу, усэ позрывали”.

Залезли мы на дерево и давай рвать спелые ягоды. Вдруг услышали строгий голос колхозного бригадира — человек он был серьёзный:

— Кто вам, байстриюки, позволил рвать колхозные ягоды?

Мы остолбенели.

— Это не колхозная шелковица, а ничья, — нашёлся Ванька.

— Как не колхозная, если она растёт на колхозном поле! А ну, вон отсюда, чтоб и духу не было! — гаркнул он.

Мы испугались. В руках бригадир держал кнут. Я спрыгнул первым, Ванька — за мной. Он на дереве сидел выше меня, и хоть высота была не очень большая, но этого хватило, чтобы подвернуть ногу. Ступня болела. Приятель мой скорчился, заныл, схватился руками за ногу, пытался было идти... Но не смог — болела нога.

— Засранцы, чего полезли? — Бригадир был уже не рад, что прогнал нас. — Садись на воз, — велел он корешу и положил его велосипед на подводу.

Мы двинулись в город. Ванька охал всё реже. Я молча крутил педали своего велосипеда. С тех пор мы к шелковице не ездили. А ещё через два года покинули Городок навсегда. Не знаю, жива ли ещё та шелковица... А может, когда подросли внуки у того бригадира, он её и спилил, памятуя тот случай с нами. Всё может быть...

Но ягоды были очень вкусными. Может, потому, что ели мы их впервые в жизни...

ВЯЗ

Это было наше дерево. Правда, только наполовину — мы его делили с соседом по прозвищу Юрко. Хаты наши стояли близко одна к другой — между глухими стенами и двух метров не было.

Высокий вяз рос возле соседского крыльца, но ветви свисали над нашей хатой, крытой камышом.

— Сгниёт от этого вяза наша крыша, ой, сгниёт, — допекала бабушка деда.

— А что я сделаю? Вяз не наш, — уныло отвечал дед.

Они не любили это дерево, значит, его не любил и я.

У Юрко было два сына. Старший сразу после армии подался в столицу да там и остался, а младший был от рождения глухонемым и жил с родителями. Я долго боялся его, но потом привык — он был безобидным. Родители его не ругали, и он с ними не пререкался, не размахивал руками.

Нашёл он однажды возле райисполкома какой-то журнал с большим снимком поезда на развороте. И все мне показывал пальцем на этот снимок, пытаясь что-то сказать:

— Пу-пу-пу-у-у-у...

Я подсказал:

— Поезд. Фу-фу-тфу.

Он улыбался оттого, что я его понимаю.

Однажды немой исчез. Юрчиха жаловалась бабушке — украл из комода деньги. Я подумал тогда, что он отправился на станцию Горынь, что в сорока километрах от нашего Городка, чтобы своими глазами увидеть поезд. Ждали его неделю. Не вернулся. Обратились в милицию. Там пообещали организовать поиски. Может, действительно искали. Но время шло, незаметно бежали дни, месяцы, пролетел год, а потом и второй, а немой так и не вернулся.

— Может, убили где за эти гроши, что у родителей взял, — жалела беднягу моя бабушка.

И теперь мы, мальчишки, спокойно сидели на крыльце соседской хаты, не опасаясь, что вдруг появится немой. Здесь же, под навесом, прятались мы и от дождя.

Немой ещё до своего исчезновения видел, как наш сосед, мой крёстный, белил деревья в саду, и тоже побелил свой вяз. Ему не мешали.

— Бог не дал ему счастья, пусть хоть это будет ему в радость, — говорила Юрчиха, если начинали смеяться над этой затеей.

Через шестьдесят лет под окном моей минской квартиры вдруг вырос вяз. Чудо, да и только! Наверно, для того, чтобы я не забывал своего немого соседа, которому так хотелось покататься на настоящем поезде.

Эпilog. Вы спросите, почему я не вспомнил о других деревьях: вишне, груше, яблоне, абрикосе, дубе? Дубов в местечке не было. Сосны росли на старом кладбище возле Георгиевской церкви, да ещё вокруг больницы. А что касается яблонь и груш... Так ведь их же все знают и любят. У них привилегия — хороший хозяйский досмотр. Их бережёт человек, а мои деревья были, как говорится, ничейные, под опекой Бога, который один за всем следит и за всё радует. Иногда и от дерева может зависеть твоя судьба или какой-то поворот в судьбе. А сколько они приносят радости и вдохновения, одеваясь в свои зелёные одежды в мае и раскрывая их в золотистые цвета в октябре!

Разве же это не чудо?

*Перевод с белорусского
Ирины Кочетковой*